

Евгений Германович Рейс, сын чиновника при австрийском консульстве в России, родился в 1906 г. в Киеве. Детские и юношеские годы провел с родителями под Екатеринбургом. В конце 20-х Рейсы выехали в Германию, где Евгений стал профессионально заниматься фотографией, с детства заворотившей его. Он работал в Берлине, где в 1930 г. открыл свое фотоателье, фотографом моды в Париже. После Второй Мировой войны — в Лондоне и США. С 50-х вновь в Париже, где занимался съемками ландшафтной и дворцовой архитектуры для журнала «Дом и сад». В 1959 г. закончил карьеру фотографа и открыл в Париже картинную галерею. В 1950-1992 гг. печатался в «Русской мысли». В настоящее время живет в Германии и сотрудничает с лондонским ежемесячным журналом «Европейский вестник».

Автор трех книг воспоминаний, одна из которых (первая), охватывающая годы до отъезда из СССР, — предмет нашего внимания.

Мемуары Евгения Рейса имеют как бы два фокуса. Обращенные к западному читателю своей, так сказать, общеисторической частью — что выражено, например, в сравнении Киева с Веной, а московских бульваров — с парижскими или попытками собственной этимологии Китай-города и другими наблюдениями, реминисценциями и аберрациями (не столь, впрочем, очевидными), — они в то же время содержат подробности быта, обстановки, одежды, поведения, речевого обихода, до конца понятные только российским ровесникам автора, число которых, увы, неуклонно стремится к нулю.

Ценность авторских свидетельств несомненна там, где присутствует его природно зоркий глаз маститого художника-фотографа, выхватывающий кадры «фильма», давность которых сопоставима с возрастом самого искусства XX века.

Остаются в сознании читателя уютный буржуазный уклад домика с колоннами в Большом Левшинском, где жил дядя автора, величественные картины русской природы, открывшиеся мальчику с волжского парохода, перемежаемые жанрами обычной припортовой жизни, лирические и несколько жантильные портреты дачников — обитателей подмосковной Перловки, московский многокрасочный колорит.

Начало Первой Мировой войны застало Рейсов в Москве, где они попали под горячую руку германофобии; отца, ливнившего всех банковских сбережений в один момент (пришлось продать все имущество в Киеве и расстаться с

дачей в Перловке), выслали вначале в Вологду, а затем в Камышлов за Екатеринбургом.

Быт заурядного городка оживлялся театральными постановками, в которых участвовали отец с матерью — театралы и энтузиасты, и

Русская мысль - Париж - 2000 -
Я жил тогда в России

20 янв. - с. 15.

их дружкой с семьей местного мельничного магната Щербакowa. Он, его жена и их окружение, особенно женский пол, выписаны автором по-кустодиевски сочно и щедро. Между прочим Рейс замечает: «...я рос в эпоху обожествления женской красоты. Культ уродства, созданный жизнью и искусством и освободивший человечество от комплекса малоценности, тогда еще не существовал». Поразительно, но в свои за девяносто Евгений Рейс смотрит с фотографии таким дамским угодником, не опирающимся на трость, а словно легко вертящим ее в руках.

И до Камышлова докатывались раскаты военного грома, зловецкие слухи о кризисе монархии. Смерть последнего австрийского императора Франца-Иосифа, подданным которого были Рейсы, тронула юного Евгения до глубины души. В жизни семьи произошел перелом. «Я понимаю, — пишет автор о своих родителях, — что их жизнь в эти сибирские годы была только временной иллюзией, помогавшей им забыть реальность...» Жуткая сцена расстрела революционными властями человека, всего лишь своровавшего сапоги, — первая смерть, увиденная мемуаристом, — ускорила их отъезд в Москву, куда выслали с востока иностранных граждан.

Перипетии возвращения в Москву, карточки на продукты, обучение в гимназии, «гигантский калейдоскоп» московских улиц с афишами, плакатами, декретами, лозунгами и цитатами вождей мирового пролетариата. Кошмар существования без элементарных вещей, хитровские притоны и ночлежки... Но среди всех этих зрелищ, может быть, не менее впечатляющая следующая картинка: бывший богатч в своих роскошных апартаментах, одетый, согласно сезону, по-зимнему, в шубу с бобровым воротником, в шапке и перчатках сидит за столом; старый лакей в ливрее подает ему на серебряном блюде огромную вареную морковь; в редкостный по красоте графин красного хрусталя налита обыкновенная вода; в чашечках из саксонского фарфора — ячменный кофе...

С введением нэпа все изменилось. Нэпов-

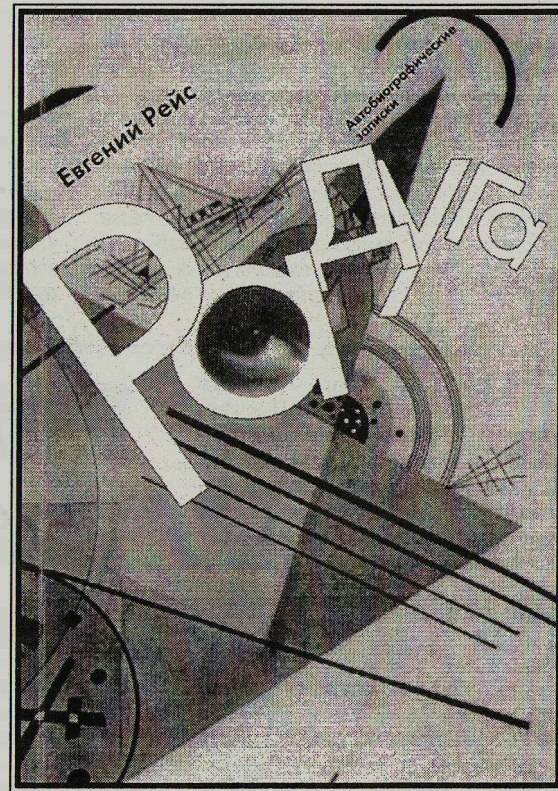
ских искушений было такое множество, что трудно сделать стоп-кадр. И нынешние поклонники удовольствий, полагающие, что на закате века нам явилось что-то совершенно новое, прочтя

эти страницы, поймут, что в общем-то все уже было. Не грустно ли в самом деле, господа? Даже иномарки были, хотя еще только такси. Автор был захвачен в плен всем этим — по молодости. Он с детства тянулся к эстетизации быта. «Мне рано стали доставлять удовольствие атмосфера элегантного ресторана, метрдотель во фраке и улыбки нарядных дам...» В этом сказывались художественная натура и любовь к вещественному, осязаемому миру.

Московский нэп кружил молодую голову модами и рулетками, балетом и опереттой с неподражаемыми — молодыми! — Татьяной Бах и Григорием Яроном, Сандуновскими банями, величественными, как римские термы, верховой ездой в манеже и занятиями боксом у Градополова. И, конечно же, пионерские постановки Таирова, Мейерхольда, Станиславского, игра Михаила Чехова и Ивана Москвина, концерты Шаляпина, «великий немой» с Мэри Пикфорд и Дугласом Фэрбенксом, собственными персонами удостоившими москвичей посещением.

Отец Рейса, театральные постановщик и антрепренер, в эти годы принимал деятельное участие в культурной жизни Москвы, устраивая ангажемент знаменитому Александру Моисси. Дома у отца в гостях — Анатлий Кторов и Александр Остужев, Константин Коровин и Пантелеймон Романов... Среди калейдоскопа театральных и художественных впечатлений — анекдоты и стихотворные фельетоны Смирнова-Сокольского и фольклорного происхождения, а на заднем плане — первые политические процессы набирающего силу тоталитарного государства.

Последний всплеск общественного бытия перед десятилетиями оледенения и омертвления... Тактичными экивоками автор дает понять иностранному читателю (нам-то с вами нового здесь не открывается), сколь недолговечен этот культурный расцвет. Эта непрочность вызывает в его душе мечту об

ином рае, рожденную зрелищем негритянского джаза из Америки. «Все это было паразитично, как и все, что было связано с Америкой, мощной страной, выигравшей войну в Европе, страной единственного на Земном шаре огромного индустриального и финансового потенциала, страной силы, красоты и спорта в фильмах Голливуда, страной оптимизма, жизненных сил, веры в Бога и в будущее». Прекрасные мечтания, столь любезные сердцам многих из наших соотечественников и ныне!

Поклонник авангарда (с Василием Кандинским, работа которого украшает обложку этой книги, Рейс был знаком с 1929 г.), мемуарист чуток к внешним эстетическим эффектам, к многообразным формам женской красоты. На последних страницах он без обиняков, но и без пошлого натурализма рассказывает о любовных увлечениях своей московской молодости, и в этих рассказах сквозь толщу лет пробивается щемящая грусть. По манере письма они сродни «Темным аллеям».

Остается лишь пожелать издания здесь, в России, двух других книг Евгения Рейса.

АЛЕКСЕЙ ГРОМОВ-КОЛЛИ

Москва